

Кровь, плоть и слезы

Закончился показ телесериала Э. Радзинского «Гибель галантного века»

*Кто не жил при старом
режиме, тот не знает
сладости жизни.*

Талейран

Неутомимый Эдвард Радзинский предпринял новое путешествие в историю. «Гибель галантного века» — так называется его очередной цикл, посвященный Екатерине Второй и Людовику Шестнадцатому, Марии-Антуанетте и графу Ферзена, империи и революции. Рассказ начинается с письма, полученного Екатериной в день перед смертью, в котором граф просил ее повлиять — через посланника Андрея Разумовского, бывшего любовника покойной жены ее сына Павла — на австрийский двор, чтобы тот возместил некой баронессе Корф состояние, потраченное на тщетную попытку Ферзена вырвать свою любимую из плена, где французский народ держал семью своего короля. По этой запутанной фразе видно, как запутана история, в которой челноком снует рассказчик, плетя узорчатую ткань своего повествования. Радзинский — говорун бесподобный, сравняться с ним мог только покойный Иракий Андронников, виртуоз устного рассказа. Но палитра Радзинского скупее, он не актер, он только строитель, архитектор и интонатор своей речи, возродитель забытого в бумажное советское время старого искусства риторики и красноречия. Его красноречие той же чепухи, что у великих ораторов прошлого, в чьем ряду Демосфен и Цицерон, Мирабо и Дантон, Андреевский и Плевако, даже Троцкий и Муссолини, хотя ни один из них и помыслить не мог о столь гигантской аудитории, которую собирает этот телеповествователь. Но Радзинский не столько покоряет, сколько завораживает и очаровывает публику, он — природный обольститель, то вкрадчивый, как змея, то всепонимающий, как змий, говорящий аллегрo, анданте, ларго и стаккато, с иронией и пафосом, смехом и скорбью, умоляюще и грозяще, раздумчиво и порывисто, в прошедшем времени и в будущем, в изыскательном и солагательном, без околечностей и с эфемизмами, прямо и инверсиями...

Другое дело, что на такой большой дистанции, которую бежит этот марафонец, невозмож-

но быть бесконечно разнообразным, и Радзинский, несравненно более гибкий, чем любой из наших телеведущих, число приемов которых исчисляется от силы десятком, все же вынужден повторяться, хотя период его аудиogramмы куда длиннее, чем у каждого из них. В какой-то момент ты ловишь себя на том, что заранее знаешь, когда рассказчик издаст свой фирменный смешок, когда понизит голос, а когда возведет его в степень, но и это нравится, как нравится знание всех модуляций на любимой пластинке.

Девяносто процентов того, что на этот раз извлек из Истории Радзинский, ты читал в разных источниках — что у Ключевского, что у Тьера, что в мемуарах императрицы, что в материалах постыдного процесса королевы, на котором подонок Эбер, издатель демагогической газетки «Отец Дюшен», обвинял ее в разращении собственного сына. Но рассказчик и в этом неоднократно перерывом материале выискивает замечательные подробности вроде той, что французский король, отправляясь спать, держал веревочку, другой конец которой вел к камердинеру. Или вдруг находит конец другой, фигуральной нити — линии судьбы графа Ферзена, которого много лет спустя после казни Марии-Антуанетты растерзала — нет, не парижская — стокгольмская чернь, заподозрив его, кажется, в отравлении престолонаследника. Или доводит до предела очевидную параллель между французской королевской четой и последней царской четой России. А главное — рассказчик, как скульптор, придает материалу неповторимую форму, отпечаток своей духовной матрицы.

И что говорить о том, что в устах Радзинского история «галантного века» изложена не по Марксу и не по Гумилеву, а, скорее, по Александру Дюма-отцу? Дюма-пер тоже был великий рассказчик, знавший, через что лежит кратчайший путь к сердцу массового читателя. Не через «это», как с подачи Маяковского выражается НТВ, а через этос — этос любви и страсти, который был, есть и будет, ибо если голод и перестанет править миром, то любовь — никогда.

Виктор МАТИЗЕН

Общая часть - 1999 г. - 6-12 ноября - с. 9.